

Вертинский: судьба и песни

— Вся надежда на вас, — начальник управления культуры Читы вручил мне телеграмму: «Прошу Александра Николаевича Вертинского дать в городе два концерта, а затем следовать в Москву». И подпись — председатель комитета по делам искусств М. Храпченко.

— Ну а я-то здесь при чем? — никак я не мог взять в толк.

— Будете аккомпанировать Вертинскому...

Так начал свой рассказ пианист М. Брокес. В 1943 году он выступал с концертами в Чите — здесь его и застала телеграмма.

— Невозможно себе представить, что я испытал в те минуты, — продолжает Михаил Борисович. — Не подумайте только, что я очень обрадовался — страшно было до дрожи в коленках. Вдруг провалюсь с треском? Ведь до этого Вертинский уже отказался от нескольких кандидатур в аккомпаниаторы. Но все обошлось. А на другой день состоялся концерт. Первый после двадцатипятилетней разлуки Вертинского с Родиной. Был грандиозный успех. А я с тех пор так и работал с Александром Николаевичем до самой его смерти...

— Михаил Борисович, насколько мне известно, песни Вертинского во время его эмиграции были в нашей стране под запретом.

— Все верно. До встречи с Александром Николаевичем я много слышал о нем, но... не слышал, как он поет. Хотя, конечно, его пластинки попадали в страну: контрабандой, в чемоданах с двойным дном, везли их отчаянные меломаны из-за рубежа. И крутили потом по домам, запершись — не дай бог кто-нибудь услышит! Так что, несмотря ни на какие запреты, о Вертинском помнили. Видимо, все-таки не может человеку заменить сердце «пламенный мотор» — он должен любить, страдать, откликаться на чужую боль. А Вертинский как раз пел об этом...

— И все же непонятно, как певцу, пробывшему четверть века в опале, в эмиграции, удалось с таким триумфом вернуться в Родину?

— Это действительно объяснить трудно. Но ведь надо было и знать Вертинского — как горячо он любил Россию, как горько страдал без нее на чужбине. Кстати, покинул он Родину не по каким-то идейным соображениям, скорее по юношескому безрассудству. Многие ли, например, знают, что из Румынии Александра Николаевича выслали за... симпатии к Советской России?

Поселившись в Париже, Вертинский много гастролировал, объездил всю Европу, побывал в Америке. И хотя артист знал много иностранных языков, пел он только на родном — на русском. Во время одной из таких поездок Александр Николаевич встретился в Варшаве с советским послом Войковым. Очень просил его помочь вернуться в Россию. Тот обещал хлопотать, но на том дело и закончилось. Через несколько лет, уже в Берлине, Вертинский добивается приема у Луначарского. Просьба та же. И вновь, после некоторых проволочек — отказ.

И кто знает, как сложилась бы его судьба, если бы

не случай. В середине тридцатых годов Вертинский отправился на гастроли в Японию и Китай. Когда он выступал с концертами в Шанхае, началась японская интервенция — певец оказался прикованным к этому городу на долгие восемь лет. Там-то его однажды и встретил советский посол. На вопрос — почему вы здесь? — Вертинский грустно улыбнулся и ответил: «Кланялся два раза, да вот только шинки набил».

— А сколько раз вы можете поклониться родной матери?

— Сколько угодно.

— Так вот, Александр Николаевич, кланяйтесь еще раз...

И представляете, через несколько месяцев Вертинский получил разрешение на въезд в Советский Союз. Надо ли говорить, сколько было радости. И свой первый концерт в Москве, в Центральном Доме актера, певец начал словами Тургенева, что Россия может обойтись без каждого из нас, но никто из нас не может обойтись без России.

— Михаил Борисович, чем, на ваш взгляд, можно объяснить феномен Вертинского? Ведь пел он в одно время с такими замечательными мастерами, как Ваим Козин, Изабелла Юрьева, Тамара Церетели, Петр Лещенко... Романсами в их исполнении до сих пор заслушиваются любители музыки. И все-таки Вертинский занял свое, особое место...

— Секрет прост — у Вертинского был «небольшой» голос. Пробыл в вокале он заполнял высоким искусством актера. Волшебная игра рук, которой так восхищался Качалов, неподражаемая мимика, проникновенные интонации, тонкое знание человеческой души делали его песни непохожими на другие. На глазах восхищенной публики рождался новый песенный жанр — песни-раздумья, песни-монологи. Да и вообще Вертинский не пел в привычном смысле слова — он наговаривал текст под музыку, размышлял под нее. Кстати, истоки современной бардовской музыки надо искать как раз в творчестве Вертинского. Без него, возможно, не было бы ни Высоцкого, ни Окуджавы. Наверное, поэтому его песни близки нам и сегодня.

— Но как же он пришел на эстраду — с такими-то скромными вокальными данными?

— Как и многое в жизни Вертинского, все предопределил случай. От рождения он страдал дефектом речи — плохо выговаривал букву «р». А с детства ему очень хотелось играть на сцене. Но из-за картавости в театр его не приняли...

И вот однажды в Москве,

отчаянно бедствуя, Вертинский зашел в небольшой театр «Ниница и Петипа» и предложил там спеть две песни на только что сочиненные им стихи. Хозяйка послушала его и согласилась. К ее удивлению, молодой человек поставил условия — петь будет только в костюме Пьеро, на него должны быть наведены два прожектора, чтобы не видеть зала, а занавес за спиной надо обязательно зашторить. Оказывается, он очень смущался публики. Премьера прошла с успехом. На следующий день в театре не было ни одного свободного места. Хозяйка заведения стала регулярно кормить Вертинского, а затем и платить деньги. Но настоящая слава пришла к певцу несколько позже. Однажды утром, листая «Московские ведомости», он к своему удивлению наткнулся на статью: «Александр Вертинский». Огромными буквами был напечатан заголовок, а внизу подпись знаменитого Власа Дорошевича. О молодом певце заговорила вся страна, посыпались заманчивые предложения...

— Как относился к своему успеху Вертинский? Каким он был в жизни? Вы проработали с ним бок о бок четырнадцать лет — кому, как не вам, знать об этом.

— В двух словах не скажешь... Александр Николаевич был человеком сложным. Отношения с людьми у него складывались по-разному. Например, он очень любил Козловского, Лемешева, Качалова, но с пренебрежением относился к Петру Лещенко. Считал его кабатским певцом. Хотя в тяжелые времена в Шанхае ему тоже приходилось выступать в ресторане — утешал себя лишь тем, что собиралась там изысканная публика, а на стол, кроме фруктов и шампанского, ничего не подавали...

Вы удивитесь, если я скажу, что Александр Николаевич не знал нот, не умел играть ни на каком инструменте... Зато он был прекрасной мелодист. И не раз мне приходилось по его звонку вскакивать среди ночи и бежать к нему, чтобы записать на бумагу только что родившуюся в его душе мелодию. Почти все песни — а их в репертуаре Вертинского было более двухсот — написаны на его стихи. Правда, пел он и Ахматову, и Северянина, Блока и Есенина. Это были его любимые поэты.

Громких званий Вертинский не носил, но популярность его от этого не страдала. Однажды, когда певца выдвинули на государственную премию, его попросили заполнить анкету.

— Вы кто — народный, заслуженный? — спросила девушка, оформлявшая документы.

Вертинский посмотрел на нее удивленно и сказал:

— Ах, душенька, у меня ничего нет, кроме мирового имени...

И. БАРАНОВСКИЙ.
(Наш корр.)

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ